

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Сафонова Татьяна Владимировна

**«Сравнение стратегий контроля над территорией
в заповедниках России и Европы:
Социологический аспект»**

Специальность 22.00.04 –
социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

18 ИЮН 2009

Санкт-Петербург
2009

Диссертация выполнена на кафедре сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: Доктор социологических наук, профессор
Скворцов Николай Генрихович

Официальные оппоненты: Доктор социологических наук, профессор
Волков Вадим Викторович
Доктор социологических наук, профессор
Пахомов Юрий Николаевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

Защита состоится «23» июня 2009 г. в 14⁰⁰ часов на заседании Совета Д 212.232.13 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 193060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд, ауд. 324

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан «19» июля 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат социологических наук

 Соколов Н.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования Процесс заповедывания территории практически всегда связан с конфликтами, поскольку предполагает, что во имя сохранения биоразнообразия люди жертвуют своими конкретными интересами, связанными с закрываемой территорией. В каждой отдельной стране этот процесс принимает свои формы в зависимости от того, интересы каких групп приносятся в жертву, и есть ли способы компенсации потерь. Традиция частной собственности или её отсутствие также влияют на то, какую форму принимает эта жертва. В то же время, поскольку заповедывание происходит ради поддержания экологических систем, входящих в состав глобальной природной системы, оно не может избежать ассоциации и практической связи с глобализацией. Таким образом, заповедывание как процесс изъятия из хозяйственного освоения территории с целью сохранения ее природной ценности и биологического разнообразия, является частью существования общества как сложной иерархизированной системы, сталкивающейся с противоречивыми тенденциями глобализации и регионализации.

Заповедывание содержит в себе проблемы, связанные с социальными конфликтами, напряженностью и проявлением группового и корпоративного эгоизма, но также связанные с процессом адаптации отдельных групп к условиям трансформации и балансировки интересов различных вовлеченных групп. Актуальность исследования этого вопроса не исчерпывается только необходимостью мониторинга процесса заповедывания, как конфликтного и дестабилизирующего, но и заключается в эпистемологических перспективах. Последние состоят в том, что консервация территории и установление на ней природоохранного режима является процессом социального производства определенного места, а значит, исследование этого процесса может позволить нам изучить роль переживаний и интерпретаций участников проблемной ситуации в создании системы взаимодействия, определяющей облик складывающегося социального института. Таким образом, мы получаем шанс исследовать не только роль социальных институтов в трансформации

социальной структуры общества, но и вклад различных индивидов в этот процесс. Такая обратная связь между социальными институтами и индивидами часто рассматривается при исследовании становления гражданского общества, как в России, так и в Европе. Именно исследование различий в процессах такой обратной связи, устанавливающейся в различных национальных контекстах, позволяет подходить к исследованию возможностей существования гражданского общества как института не с оценочных позиций, а аналитически нейтральных.

Сравнение процессов создания заповедников в Европе и России позволит не только понять, как пространственные конфликты переживаются по-разному в различных национальных контекстах, но и как переживания места создают различные национальные контексты. В рамках данного исследования возможно реконструировать как конкретные практики определяют облик государственной системы, которая в свою очередь определяет форму практик. В данной перспективе государственная система контроля над заповедниками является не источником порядка заповедывания, но результатом истории заповедывания. Каждая практика, например патрулирование территории, есть результат истории и в свою очередь основа для будущего образа контроля над территорией. Постоянно трансформирующиеся формы и значения практик создают стабильность паттернов изменения, что является основой системы заповедывания. Рассмотрение заповедывания как коммуникативной системы дает возможность не вырывать этот процесс из контекста, то есть включить в анализ перемены и трансформации в жизни страны. Такой контекстуальный подход необходим для того, чтобы наиболее полно описать явления и избежать неосознанного создания разрывов между различными эпохами или конструирования полярностей. Это позволяет отказаться от противопоставления якобы трансформирующегося пост советского общества более стабильному западному. Обозначенное противопоставление было чрезвычайно популярно в социальных науках конца XX века, но в данный момент подвергается серьезной критике.

Проблема исследования Последние десятилетия прошлого века были ознаменованы появлением глубоких социологических и антропологических работ, освещающих процессы, происходящие на постсоветском пространстве. Россия как поле исследования предоставила новые и свежие материалы, которые обогатили теоретические подходы, популярные на западе (концепция Н.Элиаса в работе В.Волкова, подход М.Фуко в исследованиях О.Хорхордина, И. Аристарховой, С. Ушакина или изложение теории П. Бурдьё в работах Ю.Качанова). Кроме того, появились антропологические монографии (Н.Скорин-Чайков, А. Юрчак, Ф.С.Нильсен и прочие), в которых постсоветские процессы рассматривались в контексте специфического осуществления проекта самого государственного строительства в Советском Союзе. Все эти работы можно объединить и связать с этнографией государства, которая пришла на место “государственной этнографии”. Перечисленные работы можно отнести к первому поколению исследований, посвященных рефлексии государственного опыта. Характерной их чертой было разнообразие используемых методологий и теоретических концепций. Исследования второго поколения, более единообразны. В частности существует тенденция использовать неонинституционализм в качестве методологии и фокусироваться на исследовании одного какого-либо института в качестве кейса. Сама по себе стратегия кейс-исследования весьма выгодна и помогает провести анализ на микро уровне. Но автор данного исследования предполагает, что кейс-стади является лишь началом анализа, и предполагает, что сравнение кейсов из различных контекстов является более эффективной стратегией, поскольку снижает риск использования кейса лишь в качестве иллюстрации имеющейся теории, разработанной изначально на материалах других обществ. В связи с этим, автор также не разделяет уверенности в том, что неонинституционализм является оптимальной методологией. Прежде всего, это связано с тем, что в рамках последнего практически не уделяется внимания процессам и феноменам, не поддающимся рационализации, таким например, как эмоции, переживания, опыт, практическое освоение мира.

Исключить последние из рассмотрения социальных феноменов значит представить картину чрезвычайно упрощенную. К примеру, исследования О.Яницкого в рамках экологической социологии представляют экологическое движение как реакцию на возрастающие экологические риски, но при этом не уделяется достаточного внимания феномену переживания риска. Мотивация участников движения рассматривается как рациональная реакция и стратегия сократить риски, при этом отношения к риску и переживание риска не рассматриваются как различные феномены. Необходимость различать опыт и категории опыта станет очевидной, если мы вернемся к эпистемологическим работам в социологии. Например, теория ритуала Э.Дюркгейма, изложенная в его книге “Элементарные формы религиозной жизни”, указывает на связь, которая существует между коллективным опытом и коллективной репрезентацией. При этом связь эта именно и возможна потому, что существует эпистемологическое различие между опытом и репрезентацией. Их взаимное несоответствие создает динамику социального действия и позволяет создавать новые категории и новые формы коллективного (социального) поведения. Работы Э.Гоффмана, Н.Элиаса и Г.Бейтсона также поддерживают аргумент Э.Дюркгейма, и обогащают его подход исследованием коммуникации как процесса создания социального знания и поддержания взаимодействия. Любой социальный факт, в рамках данного подхода, есть результат исторического переживания и когнитивного осмысления, которое ведет к новому переживанию явления уже как данности. Здесь мы также можем вспомнить концепцию развития психики, предложенную Ж.Пиаже.

Данное исследование есть попытка посмотреть на социальный факт пост советской действительности, заповедники России, как на результат переживаний и взаимодействий, в рамках которых выкристаллизовываются категории, определяющие форму социального явления. С методологической точки зрения, для осуществления этой задачи необходимо провести сравнение с аналогичными социальными фактами из другого контекста, дабы осознать специфику явления. А также необходимо на протяжении всего исследования

аналитически разделять категории, существующие в рамках явления, и практические переживания этих категорий.

Цели и задачи исследования Изначальной гипотезой исследования выступает предположение о том, что режим контроля над территорией определяет как облик территории, так и переживания, которые с этой территорией связаны. Целью данного исследования является анализ ситуации заповедников в России и Европе как процесса формирования системы взаимодействия вовлеченных в заповедывание людей (как представителей государства, так и местных жителей). Система взаимодействия подразумевает не только легитимные формы практического исполнения заповедывания, но и переживание сопротивления, а также всех прочих форм вовлечения в ситуацию в определенном локальном контексте.

Для реализации данной цели необходимо последовательное исполнение следующих задач:

- Рассмотрение теорий, посвященных вопросам эпистемологии, то есть процессу генезиса социальных категорий (понятий, описывающих социальный опыт и определяющих его общепринятую форму), которые предопределяют коллективное (социальное) поведение.
- Разработка методологии на основании рассмотренных теорий. В частности, необходимо соблюсти принцип разделения категоризации и практического переживания в рамках самой методологии, начиная с этапов сбора данных и заканчивая анализом.
- Обзор существующих исследований заповедников и описание различных систем заповедывания.
- Сравнение кейсов заповедников России и Европы. Описание и сравнение систем взаимодействия, которые сформировались в рамках различных национальных традиций.

Объект и предмет исследования Объектом исследования являются системы взаимодействия, складывающиеся в ходе функционирования заповедников, как социально-экологических образований, в условиях России и

Европы. С помощью понятия система взаимодействия в данной работе определяется конкретное состояние и уровень интеграции и дезинтеграции такого элемента социального пространства, как заповедник. Предметом исследования является процесс самокорректирования, в рамках которого действия всех участников взаимодействия определяют форму устоявшегося заповедывания. Особое внимание уделяется исследованию диалектической связи между институтом заповедывания и вовлеченными в него акторами, как элементами социально стратифицированной структуры, воздействующими друг на друга.

Методологические и теоретические основания исследования Подход Э.Дюркгейма лег в основу первых исследований эпистемологии в социологии и антропологии. Впоследствии основными наследниками Дюркгейма стали функционалисты, а также основатели системной теории, и, как следствие, место в его теории, отведенное исследованию процесса категоризации и познания, было полностью отдано исследованию статичных структур самого знания. В то же время, если посмотреть на «Элементарные формы религиозной жизни» как на трактат по исследованию процесса познания (познания как практики), то можно найти в нем компоненты методологии исследования процессов, в частности описание циклов самокоррекции. Наиболее известное описание процессов самокоррекции в социальных науках принадлежит ученому с очень разносторонними интересами, антропологу Грегори Бейтсону. Последний заметил, что самокоррекция есть свойство не только органических систем, но и систем, которые он охарактеризовал, как разум (mind); в последних паттерн самокоррекции в свою очередь сам может адаптироваться к изменениям во внешней и внутренней среде. Разделение между логическими типами, к которым принадлежит различная информация, лежит в основе возможности самокоррекции, поскольку позволяет преодолеть парадоксы. Этот паттерн, который все объединяет – есть способность обучаться обучению. Всякая разумная система, будь то человек или культура или планета, реагирует не только на конкретные изменения, но и на изменения изменений.

В трактате Дюркгейма также, но в еще не столь явном виде, есть намеки на такого рода циклы в изменении и обучении. Опыт, полученный при исполнении коллективных практик, ведет к тому, что появляется чувство общности, которое в свою очередь толкает участников ситуации к воспроизведению коллективных практик, которые интерпретируются и становятся частью символического багажа общества. Это описание саморегулирующейся системы. Объяснение ритуальных действий не должно быть прямым, должно содержать разрывы и контринтуитивные компоненты – то есть понимание и вера в коллективную репрезентацию требуют участия коллектива и его присутствия. Объяснение ритуала – это процесс не индивидуальный, не логичный и последовательный, а коллективный, требующий слепого доверия внешней логике. А такого рода вера – это уже своеобразное коллективное действие – то есть опыт создающий основу для последующего коллективного существования. Индивид включен в саморегулирующийся цикл, в котором его действия (участие в коллективной практике) и его интерпретации (коллективные репрезентации) опираются на информацию, относящуюся к различным логическим типам. Первые относятся к циркуляции информации по всей системе, то есть к метакommunikации, вторые, то есть интерпретации и мотивации индивида, относятся к циркуляции информации в более узком цикле ситуации приобщения индивида к коллективу. Коллективные репрезентации более очевидны и наглядны именно в силу их ситуативной актуальности, циклы, в которых они играют важную роль, чрезвычайно коротки. Именно поэтому объяснять действия участников их интерпретациями невозможно, поскольку очень быстро мы приходим к очевидным парадоксам между мотивациями и конкретными действиями.

Следуя намеченной методологии необходимо посмотреть на то, (1) какого рода паттерны объединяют элементы системы, то есть на паттерны координации взаимодействия этих элементов, поскольку именно в них (а не в каком-то головном элементе системы) заложен принцип самокоррекции. Кроме того, важно исследовать (2) как именно система справляется с парадоксами,

которые образуются в результате смещения различных логических типов информации (double bind). В третьих, необходимо исследовать (3) метакоммуникативный уровень, то есть то, как именно система обучается обучаться или же меняет свою способность меняться. Последний уровень требует особого внимания именно к исследованию участия в коллективной практике, поскольку в этом процессе заложена способность системы изменять паттерны координации взаимодействия.

Здесь необходимо заметить, что сравнение систем, внешне похожих друг на друга, таких, например, как заповедники России и Европы, необходимо проводить последовательно по указанным трем пунктам. И только такое последовательное сравнение позволит судить о том, насколько похожи или различны указанные системы. Исследование паттернов координации взаимодействия укажет на то, являются ли обозначенные системы автономными саморегулирующимися организмами. Второй пункт позволит рассмотреть сталкиваются ли системы с парадоксами похожей природы, что позволит судить о том, к одному ли классу систем они относятся. Последний пункт, посвященный проблеме метакоммуникации, также позволит судить о степени похожести систем, а именно об их способности к саморазвитию (в терминах Н.Лумана это можно также назвать аутопоэзисом).

Степень разработанности проблемы В диссертации довольно много места отведено обзору исследований заповедников, так как существующая международная дискуссия относительно менеджмента, “заповедывания с человеческим лицом” и проблемы “благородного дикаря” не касалась отечественной социологии, поскольку все вопросы, касающиеся заповедников, ассоциируются с естественными науками. Этот традиционный подход препятствует как обсуждению гуманитарных проблем, связанных с заповедниками, так и обогащению западной дискуссии российскими материалами.

Данное исследование продолжает направление, заложенное Э.Дюркгеймом, но обогащено полевыми материалами. В рамках социологии

проект Дюркгейма исследовать коммуникативную и эмоциональную составляющую социальных фактов, ситуаций взаимодействия, поддерживали такие исследователи как Г.Гарфинкель, Э.Гоффман, Н.Элиас и Г.Бейтсон. В данный момент наибольшее развитие такой подход получил в социальной антропологии, где сравнение есть неизбежная составляющая самой методологии. Сравнение систем взаимодействия, схожих по форме, но разворачивающихся в различных контекстах, с целью проведения анализа процесса формирования паттернов взаимодействия, лежит в основе многих современных антропологических исследований (пример, проект исследования Домов Культуры в различных районах Сибири и Дальнего Востока, осуществляемый Институтом Социальной Антропологии Общества Макса Планка, Германия, а также сравнительный проект Северной и Восточной Центрально Европейской Сети исследователей “Второе Поколение Изменений”).

Эмпирическая база исследования Полевое исследование, которое лежит в основе данной диссертационной работы, было поддержано в разные периоды Фондом Генриха Бесселя и Фондом INTAS. Автор проводила включенное наблюдение в заповедниках России и Европы. Полевые экспедиции проводились в Алтайском заповеднике (республика Горный Алтай) во время участия в тренинг-семинаре по подготовке инспекторов заповедников в июне – августе 2002; в Волжско-Камском заповеднике (республика Татарстан) в феврале – марте 2004; в Джергинском заповеднике (республика Бурятия) в апреле – мае 2006; в заповеднике Зюд-Ост Рюген (Германия) в октябре 2006; в заповеднике Оршеги (Венгрия) в июне – июле 2007; а также в заповеднике Кэрнгормс (Шотландия) в ноябре 2007 года.

В анализе использовались личные наблюдения и полевые опыты автора, а также всевозможные документы, свидетельствующие о работе заповедников, такие, например, как протоколы о задержании нарушителей или ежегодные отчеты. Кроме того, автор проводила неструктурированные интервью, цитаты из которых представлены в тексте.

Методы исследования В социальной антропологии последнее время нарастает дискуссия о роли обучения как методе исследования в рамках полевой работы (К.Хаструп, Ж.Лэйв). Эта дискуссия особенно остро затрагивает исследования вопросов эпистемологии и связи практик и категорий. Автор присоединяется к авторам, считающим, что если практическое освоение мира состоит, прежде всего, в обучении и освоении навыков, то и методы исследования этого освоения должны приобретать форму обучения. Во время полевых экспедиций, автор старалась участвовать во всевозможных практиках и учиться быть участником ситуации заповедывания (рейнджером (инспектором), посетителем, туристом, браконьером и прочее). К материалам собранным с данным намерением также можно отнести и материалы включенного наблюдения.

Для исследования и описания категорий классификации, практической и номинальной, были использованы как качественные способы (методология Ч.Радипа), так и количественные (кластерный анализ протоколов и характеристик заповедников). Результаты этого анализа включены в диссертационную работу в качестве описания российской заповедной системы в целом, и необходимы для описания контекста выбранных кейсов.

Эмпирический материал был проанализирован в рамках системно-кибернетического подхода, разработанного Г.Бейтсоном, при котором особое внимание уделялось описанию складывающихся цепей обмена информацией, направлениям развития систем, а также взаимному влиянию элементов систем друг на друга. Именно этот подход позволил сформулировать основные различия между системами заповедывания России и Европы, которые заключаются в способах интеграции, а также различных стратегиях вовлечения и исключения локальных контекстов. Важным вопросом стала проблема степени централизации и сегментированности сложившихся в России и Европе систем заповедывания. Исследование показало, что системно-кибернетический подход позволяет рассматривать взаимосвязи, складывающиеся между системами классификации и практическими стратегиями освоения мира.

Научная повизна работы В первую очередь, данное исследование является первым социологическим исследованием, посвященным российским заповедникам, проблемам их функционирования и их влиянию на жизнь местных жителей. Как уже отмечалось ранее, в России заповедники воспринимаются как продукты и прерогатива естественных дисциплин, таких как биология и зоология, и не вызывают интереса у социальных ученых. Кроме того, заповедники находятся довольно часто в труднодоступных местах, на периферии, территориях не вызывающих острого интереса в силу своей удаленности (пространственной и социальной) от мира российских ученых. Данное исследование имеет своей целью привлечь внимание интеллектуальной общественности к этим “забытым” краям и людям. Кроме того, исследование предлагает сравнение заповедников Европы и России на основаниях нейтральных и процессуальных, а не структурных, то есть Европейские заповедники не описываются как норма и образец для сравнения и подражания, но как объект нейтральный и вызывающий равный интерес. Иначе говоря, несмотря на то, что существует стереотип, что институты подобные заповедникам в Европе работают эффективнее, в данном исследовании заповедники Европы не выступают в качестве своеобразной контрольной группы для сравнения. Случаи заповедников Европы необходимы здесь для проблематизации самого явления заповедника, а не для описания нормативного. Это также является довольно редким качеством сравнительной работы, поскольку часто в рамках социальных исследований реалии западной Европы противопоставляются российским как более успешные и образцовые.

В рамках российской социологии (и мировой в частности) пока уделяется довольно мало места исследованиям по эпистемологии социального действия, тенденция активно развивающаяся в рамках мировой социальной антропологии. Учитывая прошлые опыты, когда теории и методологии, разрабатываемые в рамках антропологии, успешно покоряли социологические дисциплины (пример исследований Э.Дюркгейма, Э.Гоффмана по интеракции в изолированном сообществе Шетландских островов, а также П.Бурдьё по

символическому капиталу в Кабилии и прочие), можно смело предположить, что актуальные сейчас антропологические эпистемологические исследования в будущем войдут в корпус базовых вопросов социологического исследования. В данном исследовании активно используются такие образцы эпистемологических исследований как теория схизмогенезиса Г.Бейтсона, исследование процессов обучения Ж.Лэйв и Э.Венгра, исследования анимизма Н.Бёрд-Дэвид, а также исследования дивидуальной личности М.Страттерн. Большинство из перечисленных авторов не опубликовано по-русски и не являются часто цитируемыми авторами.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Заповедник, как и многие другие социальные факты, определяет и сам определяется системой взаимодействия вовлеченных в ситуацию заповедывания людей. Главной чертой этой системы является самокорректируемость, которая определяет стабильность формы взаимодействия и опирается на определенный паттерн. Различие в паттернах самокоррекции объясняет различие в практическом разнообразии заповедников Европы и России.
2. Возможность самокоррекции в системе определяется степенью различения между логическими уровнями информации (Г.Бейтсон): сообщением и способом его интерпретации; коллективной практикой и коллективной репрезентацией (Э.Дюркгейм); категориями и отношениями, которые эта категоризация предопределяет (М.Страттерн). Результаты данного исследования показывают, что все упомянутые различения возможно рассматривать как элементы одной общей схемы циркуляции информации в единой системе взаимодействия.
3. Главная проблема системы взаимодействия – необходимость разрешать парадокс смешения логических уровней информации (проблема двойной связки в терминах Бейтсона). В случае заповедников таким главным парадоксом является несовместимость идеи консервации природы (полного изъятия из хозяйственного освоения) и способом ее реализации

(который предполагает хозяйственное освоение: мониторинг, исследование и прочее).

4. Между заповедниками России и Европы существует различие в категоризации и координации систем взаимодействия. В Европе существует сложная и пластичная система классификации заповедников, которые могут менять свой статус на протяжении работы в зависимости от локальных и глобальных тенденций. Пластичность системы заповедывания создаст условия для интеграции заповедников в глобальный контекст консервационного движения, оставаясь не централизованной системой. В России классификация заповедников является жесткой, и не подкреплённой практикой, так как при анализе характеристик выяснилось, что заповедники подразделяются ещё как минимум на четыре кластера, которые нигде не отражаются в централизованных документах. Официально провозглашённая система заповедывания в России не имеет полной реализации на практике, а каждый заповедник вынужден интегрироваться в локальный контекст пользователей.

5. Схожесть заповедников России и Европы определяется тем, что в обеих системах первичная схема координации базируется на практике контроля над территорией. Различия между заповедниками России и Европы объясняются различиями в культурном контексте исполнения практики контроля над территорией. Если в Европе контроль делегирован пользователям, то в России контроль всегда делегирован специальной службе. Практика контроля над территорией в обоих случаях является результатом исторического развития.

Апробация результатов исследования Результаты исследования на разных фазах были представлены как на российских, так и на международных конференциях и семинарах, в частности в институте социальной антропологии общества Макса Планка (Германия), в Центре Изучения Балтийского региона, Зёдерторн Хогскола (Швеция), на факультете антропологии Университета

города Абердин (Шотландия), в Центре независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Исследование обсуждалось на кафедре сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета в период с 2005 по 2008 год. Результаты исследования изложены в статьях автора, опубликованных как в отечественных, так и в зарубежных журналах. Кроме того, автор тесно сотрудничает с научными сотрудниками заповедников, в которых проводилось исследование.

Структура диссертации Диссертация состоит из введения, трех глав, библиографии и приложения. В первой главе даются теоретические и методологические основания исследования. Во второй главе изложено описание различных систем заповедывания. В третьей главе представлено сравнение кейсов заповедников России и Европы, а также результаты анализа. Приложение включает в себя разнообразные диаграммы, таблицы и выдержки из интервью, используемые в основном тексте работы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Теоретические и методологические основания исследования» посвящена подходам, сформировавшимся в рамках социологии и социальной антропологии, которые позволяют рассматривать явления социальной реальности в качестве коммуникативных систем, в рамках которых индивидами осуществляется практическое освоение мира.

Первый параграф «Эмиль Дюркгейм и исследование практик в социологии» посвящен работам классика социологии и его подходу относительно исследования взаимосвязи коллективных практик и категорий. Данный подход стал основой для исследований по эпистемологии, чья методология использована в рамках настоящего диссертационного исследования. В параграфе особое внимание уделяется книге Дюркгейма “Элементарные формы религиозной жизни”, в которой изложены основные постулаты эпистемологической теории классика социологии и антропологии. Возвращение к этой книге в данный момент выглядит наиболее актуальным,

поскольку в свое время интерпретации положений, изложенных в книге, стали источником раскола между социологами, склонными к функционализму и феноменологии. В настоящий момент, когда в науке создается возможность для диалога и совмещения данных теоретических подходов, исследование работы Дюркгейма позволяет сформулировать теорию практики, не исключаящую как системность, так и интересубъективность. В рамках параграфа анализируется то, как Дюркгейм представил свой аргумент в книге, и то, как именно надо читать книгу, чтобы не упустить логики изложения.

Эпистемология Дюркгейма базируется на различении факта переживания коллективного опыта и необходимости его осмысления. Первое порождает коллективное чувство, которое лежит в основе любого познания и формирования категорий, таких как время, пространство, причинность и прочее. Коллективная репрезентация, разрабатываемая по факту переживания, направлена, прежде всего, не на объяснение феномена, а на предопределение повторения коллективного переживания. Классификации и мифологические интерпретации имеют своей целью упорядочить и систематизировать исполнение коллективной практики. Таким образом, классификация определяет отношения, которые зародились до появления самой классификации, но требуют осмысления для поддержания.

Второй параграф «Исследования процессов практического освоения мира» главы посвящен последователям Э.Дюркгейма (Г.Бейтсон, Н.Элиас, Э.Гоффман), в работах которых прослеживается та же логика, требующая различать практики и коллективные репрезентации. Антрополог Г.Бейтсон описывает паттерны координации взаимодействия, существующие в различных культурах. Для этой цели он разработал теорию схизмогенезиса, в которой различал симметрические и комплементарные способы координации взаимных изменений. Эта теория перекликается с различием на механическую и органическую солидарность, которое предложил Дюркгейм для описания процессов, происходящих в современных и, так называемых, традиционных обществах. Г.Бейтсон отказался от структурной интерпретации и не

использовал довольно стереотипное разведение на современное и традиционное общество, но, в целом, продолжал логику, намеченную Э.Дюркгеймом. Подход Г.Бейтсона позволил рассматривать социальные феномены как системы, но не структурные, а как самокорректирующиеся процессы, - подход, лежащий в основе кибернетики.

Работы Э.Гоффмана и Н.Элиаса в меньшей степени посвящены системному рассмотрению взаимодействия, но в большей степени уделяют внимание взаимосвязи, существующей между практикой и коллективной репрезентацией, выражающейся в кодексе норм и правил, этикета. Если Н.Элиас изучает процесс генезиса современной формы коллективной репрезентации, этикета и правил поведения, в ходе процесса цивилизации, то Э.Гоффман больше внимания уделяет тому, как этот современный кодекс определяет поведение людей, какие дает интерактивные возможности.

Третий параграф «Исследование практик через обучение в социальной антропологии» посвящен размышлению о том, какой именно метод сбора данных позволяет сохранить максимально полную картину, в которой представлены как интерпретации и классификации, так и переживания и практическое освоение мира, а, кроме того, сохранена связь между ними так, что возможно реконструировать процесс развития. В современной антропологии все больше внимания уделяется возможностям обучения как полевому методу сбора эмпирического материала (К.Хаструп, Ж.Лейв и Э. Венгер). В параграфе описаны основные аргументы существующей дискуссии, а также методологические основания, свидетельствующие в пользу обучения как метода сбора полевых материалов. В рамках собственного полевого исследования автор старалась придерживаться описанного метода.

Вторая глава «Описание различных систем заповедывания» посвящена описанию европейской и российской систем заповедывания. Целью данной главы было представить существующие системы репрезентации деятельности заповедников, то есть норм и правил, по которым они якобы существуют в различных культурных и национальных контекстах.

Первый параграф «Европейская система заповедывания в контексте всемирного опыта» освещает довольно богатую литературу, посвященную как западным, так и мировым заповедникам в целом. Столь широкое изложение мирового контекста заповедывания оправдано в данном случае, поскольку именно европейские заповедники стали прототипами большинства заповедников, основанных в различных частях света (Африке, Латинской Америке, Австралии и прочее). Кроме того, инициаторами основания заповедников в мире и поддержания их существования преимущественно являются европейцы. Этим обусловлено и существование дискуссии о статусе аборигена, представляемого либо в качестве варвара, либо как благородного существа, но неизбежно отделенного от процесса заповедывания, которое осуществляется не им, а пришлыми европейцами. Именно поэтому, озвученные в рамках мировой дискуссии темы полностью приложимы и к полю европейских заповедников как таковых, поскольку именно при их создании они и зародились. Здесь автор касается дискуссий и проблем, которые формируют оси для классификации различных заповедников. Выделено три темы: миф о благородном дикаре (дискуссия о роли локального знания о природе), эффект буферных зон (дискуссия о принципах зонирования заповедников) и кооперативный менеджмент (о возможностях вовлекать местное население в работу заповедника). Таким образом, центральными вопросами для определения положения и статуса заповедника являются позиции исключенности и включенности местного населения. При этом не существует артикулированной тенденции объединять различные заповедники в ограниченные национальные системы, поскольку дискуссии по поводу природопользования ведутся в рамках общеевропейских и глобальных институтов.

Второй параграф «Российская система заповедывания» посвящен отечественной системе заповедывания. Здесь даются описания постулируемых принципов российского заповедного движения, перечислены группы, вовлеченные в процесс консервации территории. Также в параграфе

представлены результаты кластерного анализа, которые показывают, что на практике существует четыре основных типа заповедников, которые никак не выделяются на официальном уровне. Существование такой практической и не признаваемой типологии говорит в пользу предположения о том, что российская система заповедывания не является жестко интегрированной и централизованной, как это принято демонстрировать, а форма контроля над территорией определяется не столько указаниями и планами сверху, сколько локальными условиями. Интеграция заповедника в локальный контекст осуществляется в основном по трем направлениям, согласно структуре самой организации и трем специализациям, которые в ней представлены. Отдел науки привлекает различных ученых для проведения исследований и научных конференций, на территории заповедника. За счет привлеченных ученых осуществляется научная деятельность самого заповедника, поскольку основного федерального финансирования на эти цели не хватает. Отдел охраны во многом заинтересован в постоянном, но не слишком интенсивном нарушении заповедного режима, поскольку наличие отчетов о задержании повышают позицию заповедника в общем рейтинге всех заповедников страны. Но в то же время служба не заинтересована в полной отчетности, поскольку часть нарушений часто позволяет напрямую перераспределять штрафные суммы, минуя контролирующие органы (данная практика была особенно актуальной во второй половине девяностых годов, когда оклады работников заповедника были чрезвычайно низкими, а выплаты зачастую задерживались). Специалисты отдела экологического просвещения в свою очередь занимаются организацией детского и туристического досуга, но в связи со слабой развитостью этого сектора, и популярностью, так называемого, дикого туризма, их деятельность также ориентирована, прежде всего, на местных жителей.

Заключительная третья глава «Эмпирические результаты исследования» содержит основные результаты исследования и посвящена сравнению режимов контроля над территорией, установленных в заповедниках России и Европы.

В первом параграфе «Стратегия контроля над территорией российского заповедника: случай инспекторской службы Волжско-Камского Государственного Природного Заповедника» дано описание российского случая, Волжско-Камского заповедника, в котором проводилось одно из полевых исследований. Материалы показали, что в российском контексте особенно важную роль приобретают взаимодействия инспекторов заповедника и нарушителей. Именно вокруг этого контакта и конфликта строится вся остальная активность. Для описания данного случая использован экологический подход чикагской школы (Р.Парк, Э.Хьюз), позволяющий описывать социальную систему, используя метафоры из биологии, созданные для описания биологических систем. Из результатов эмпирического исследования видно, что инспектор заповедника, который осуществляет контроль над его территорией, встраивается в иерархическую структуру, объединяющую ценных животных (в основном хищников) и браконьеров (нелегальных охотников). Инспекторы занимают верхнюю позицию в данной пирамиде, а их собственные действия определяются той же логикой, которая руководит действиями как хищников, так и браконьеров. В параграфе эта логика рассмотрена по трем направлениям: как часть борьбы за позицию хозяина территории; как стратегия контроля над территорией; а также в рамках описания динамики профессиональной популяции инспекторов, которая тесно связана с динамикой популяции как ценных животных, так и браконьеров.

Во втором параграфе «Стратегия контроля над территорией европейского заповедника: случай охранной службы Биосферного Резервата Зюд-Ост Рюген (Германия)» изложено описание немецкого случая, заповедника Зюд-Ост Рюген, в котором напротив, основное взаимодействие посвящено избеганию прямых контактов рейнджеров (работников службы охраны) с посетителями. Помимо этого, в заповеднике очень важную роль приобретает соотношение природной и культурной консервации, в частности аккумуляции ценности территории (экологической, эстетической и исторической). Аккумуляция ценности происходит не за счет конвертации этой

ценности в материальные блага, как это подчас происходит в российских случаях, а преимущественно за счет артикуляции неактуальных локальных контекстов. К таким неактуальным локальным контекстам относятся разнообразие природы, которое рассматривается ценным самим по себе, просто как уникальное сочетание различных геологических и биологических объектов в одном месте. Кроме того, накопление ценности территории происходит активно за счет романтизации истории заповедываемой территории, собирания легенд и артефактов, подтверждающих некие исторические события, разворачивавшихся в ее пределах. Кроме самой территории, консервируются и повседневные практики, которые формируют ее облик, такие как сенокосение. Многие из них теряют свою связь с экономической деятельностью и становятся ценными сами по себе, вне контекста сельского и прочего хозяйств, в рамках которых они зародились.

В заключительном третьем параграфе «Заповедники России и Европы: сравнение самокорректирующихся систем» представлены все основные выводы работы, в частности положения, выносимые на защиту. Здесь проводится последовательное сравнение заповедников России и Европы на основании имеющихся 6 кейсов, в которых автор проводила полевое исследование. Модель, построенная на основании сравнения материалов, представляет заповедник как систему взаимодействия, форму которого определяет первичная система координации действий. В европейском случае эта схема развивалась из практики туристического путешествия и собирания коллекций, а в отечественном случае – практики охоты и собирательства. В рамках данного параграфа наиболее полно представлены результаты системно-кибернетического анализа, которые изложены в трех пунктах. В первом рассматривается сравнение паттернов координации взаимодействия. Здесь на базе концепций анимистической эпистемологии (Н.Бёрд-Дэвид) и дивидуальной личности (М.Страттерн) и эмпирических данных исследования показано как классификации выступают механизмами самокорректирующихся систем. Второй пункт посвящен парадоксам консервации и тем способам,

которые существуют в рамках российской и европейской систем заповедывания для их преодоления. Данный вопрос рассматривается с привлечением теории двойной связки, разработанной Г.Бейтсоном. Последний пункт освещает проблему связи между контролем над территорией как практикой и как категорией, описывающей эту практику. Здесь особое внимание уделено вопросу интегрированности системы и проблеме ее генезиса.

В заключении приведены обобщения результатов исследования, а также сформулировано место данного исследования в рамках последних тенденций в социальных науках.

Публикации

В ведущих рецензируемых журналах и изданиях:

1. Сафонова Т. Организованный культ природы: "новый тотемизм" и инспекторская служба в заповеднике // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 4. – С. 169-185

В других журналах и изданиях:

1. Сафонова Т. Заповедники России и Европы: Сравнение самокорректирующихся систем // *Ab Imperio*. – 2008. – № 4. – С. 335-355
2. Safonova T. The Professional Ethos of Rangers in Russian Nature Reserves // *Acta Borealia*. – 2007. – Vol. 24 – No. 1 – P. 44-58.
3. Сафонова Т. Социальная экология заповедников в постсоветской России // *Неприкосновенный запас*. – 2006. – Т. 46. – № 2. – С. 215-224
4. Сафонова Т. Социальная экология профессиональной группы: Исследование случая инспекторов заповедника // *Антропология профессии* / Под. ред. Романова Д. – Саратов, 2005. – С. 200-226

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 133. Подписано в печать 07.05.2009 г. Бумага офсетная.
Формат 60х84¹/₁₆. Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел. /факс (812) 275-73-00, 970-35-70
asterion@asterion.ru